

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СМИ

*Работа представлена кафедрой международных отношений
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.
Научный руководитель – доктор политологических наук, профессор Н. Э. Гронская*

Статья посвящена проблеме выделения содержательно-концептуальной информации в текстах политического дискурса СМИ и предлагает процедуру анализа такой информации.

Ключевые слова: *текст, содержательно-концептуальная информация, политический дискурс СМИ.*

Yu. Cherkasov

SUBSTANTIAL CONCEPTUAL INFORMATION IN THE MASS MEDIA POLITICAL DISCOURSE

The article deals with the issue of defining substantial conceptual information within the texts of the mass media political discourse and puts forward a pattern for the analysis of this information.

Key words: *text, substantial conceptual information, mass media political discourse.*

Текст имеет ряд признаков: завершенность, целенаправленность и прагматическую установку. Текст – произведение, обработанное в соответствии с функциональным стилем и жанром, к которому он принадлежит, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи [1, с. 18].

Тексты, в том числе тексты политического дискурса СМИ, имеют определенную структуру и организацию в соответствии с определенными правилами, «посредством чего манифестируются текстовые категории» [3, с. 3]. Категории текста – «определенный тип отношений между единицами текста, со-

ответствующий его коммуникативным установкам» [5, с. 31]. Они носят функционально-семантический характер, поскольку представляют собой набор разнородных языковых средств, обладающих общей семантической функцией [3, с. 3–4]. Такими категориями являются информативность, связность, проспекция/ретроспекция, модальность, выделенные И. Р. Гальпериным. Реализация этих категорий (а вернее ее способы) является инструментом речевой манипуляции на текстовом уровне [4, с. 96].

Под информативностью текста понимается передача им некоей информации. По прагматическому назначению различается содержательно-фактуальная (СФИ), содержательно-концептуальная (СКИ) и содержа-

тельно-подтекстовая информация (СПИ) [1, с. 26–50]. СФИ содержит сообщения о фактах, событиях, процессах, предположения, взгляды и т. д. СКИ представляет мнение автора о характере отношений между этими явлениями, фактами, событиями. Извлекаемая из всего текста, СКИ – это замысел автора и его содержательная интерпретация. СПИ обнаруживает скрытый смысл, извлекаемый из описания фактов, явлений, событий (т. е. из СФИ) благодаря способности единиц языка порождать ассоциации. Эти три вида информации тесно взаимодействуют друг с другом. СФИ представляет «передний план» текста; СПИ – «второй план» сообщения; СКИ – его толкование, глубинный смысл (последние два вида информации имплицитны, СПИ выводится из СФИ, а СКИ – из фактуальной и подтекстовой информации) [4, с. 97].

Для исследований речевой манипуляции, неотъемлемой характеристики политического дискурса СМИ, наибольший интерес представляет концептуальность текста, так как она содержит замысел автора. Основываясь на модели стилистического анализа текста, предложенной И.Р. Гальпериным в книге «Stylistics» [7, с. 320–324], предлагается выявить СКИ статьи «*Chechens trapped in the factory of death*» (7).

На начальном этапе нашего анализа необходимо определить тему сообщения (т. е. ответить на вопрос «о чем был текст» [2, с. 236]). Анализируемая нами статья повествует о содержании чеченцев в российском фильтрационном лагере во время второй чеченской войны. На следующем этапе предстоит изучение семантической стороны сообщения (которая сопряжена со структурной, так как текст отмечен наличием двух сторон: содержательной и структурной). На этой стадии рассматриваются фонографические, лексические и грамматические единицы, сигнализирующие о СКИ, тем самым выявляется фактуальная информация вкупе с подтекстовой.

Е. g. (1) It is an ugly name for an ugly place. (2) Outside Chernokozovo 'filtration camp' relatives wait for news of their menfolk. (3) Chernokozovo, with about 700 detainees, is the

largest of four camps in which the Russians are 'separating' terrorists from civilians. (4) Many of the men have been summarily arrested on the flimsiest of pretexts. (5) In detention since 13 January, her son's only crime was to have the same surname as the Chechen warlord Shamil Basayev. (6) They're scared to write much, in case the letter goes astray. (7) This is the detention centre where Russian war correspondent Andrei Babitsky – arrested for reporting from Grozny without military permission – was allegedly held by the Russian security services, before being handed over to Chechen fighters last week in a prisoner swap. He is thought to have been badly treated during his stay. (8) There is evidence that large numbers of young Chechen men are being rounded up arbitrarily and detained. (9) Given the massive abuses that took place in these centres during the last war, we are gravely concerned about this developing trend. (10) Explaining the scale of what the Russians insist on calling a 'cleansing operation', he said he had evidence that 120 men had been arrested en masse in Shami-Yurt, near Grozny, earlier this month. (11) The camps became notorious during Russia's last war with Chechnya... (12) Then human rights activists gathered horrific stories of torture. (13) Standing outside the blackened remains of the grandiose entrance to Grozny's main park (still named the Park of Culture and Rest in the name of Lenin), Pyotr Sidorov, 64, a Russian who has lived in Chechnya for most of his life, said he approved of the campaign. (14) Behind him as he walked to collect a bucket of water for his family, a panorama of total destruction was visible. Not a single building in Grozny remains intact. 'The Russians were right to do this. We need to fight to put a sensible government in power here,' he said.

Приведенные выдержки из анализируемой статьи обнаруживают ряд сигналов СКИ. Характер повествования определяется в первом предложении: «It is an ugly name for an ugly place». Повтор лексической единицы *ugly* (offensive or unpleasant to any sense [11]) усиливает негативную оценку этого места. Кавычки говорят о сарказме автора: '*filtration camp*' (2); '*separating*' terrorists from civilians

(3); *what the Russians insist on calling a 'cleansing operation'* (10) – в данном случае контекст доказывает иное назначение лагеря и другую функцию проводимой операции. Тире графически выделяет уточнение – «*Andrei Babitsky – arrested for reporting from Grozny without military permission – was allegedly held by the Russian security services...*» (7).

В тексте так же присутствуют слова и выражения с семой ужаса и разрушения, которые имплицитно означают состояние людей и территории после российского вмешательства: «*The camps became notorious (famous or well-known for something bad [10])*» (11); *horrific (extremely bad, in a way that is frightening or upsetting [10]) stories of torture* (12); *blackened remains (to blacken – to become black, or make something black [10])* (13); *total destruction (the act or process of destroying something or of being destroyed [10])* (14).

Следующие примеры выражают сомнение автора в оправданности действий российской стороны: *arrested on the flimsiest (flimsy – a flimsy argument or excuse does not seem very likely and people do not believe it [10]) of pretexts* (4); «...*allegedly (used when reporting something that people say is true, although it has not been proved [10]) held by the Russian security services...*» (7).

Нужно отметить, что автор выражает положительное отношение к чеченскому населению, участвующему в военных действиях, используя слова с положительной коннотацией и семантикой военной доблести: *the «Chechen warlord (a supreme military leader [11])»* (5); «*Chechen fighters*» (*one that fights, as warrior, soldier [11]*) (7). Лексические единицы с семантикой количества характеризуют масштаб проводимых российскими войсками операций: *large (big in size, amount, or number [10]) numbers of young Chechen men are being rounded up arbitrarily* (8); *the massive (unusually large, powerful, or damaging [10]) abuses* (9); *developing (growing or changing [10]) trend* (9); *explaining the scale (the size or level of something, or the amount that something is happening [10])* (10). В контексте они приобретают отрицательный оценочный заряд. Акцентирование масштабности событий еще более усиливает

отрицательную оценку действий российских войск.

Сочетание противоположных по стилю и оценочному содержанию слов, таких как «*blackened remains of the grandiose entrance*» (13) в пределах одного высказывания характеризует резкий контраст между положительным прошлым и отрицательным настоящим. Используется конструкция с неопределенным референтным индексом, где автор сообщения перекладывает ответственность за это сообщение на неизвестный источник: «*He is thought to have been badly treated during his stay*» (7). Предполагается, что общественное мнение таково.

В конце статьи приводится высказывание русского гражданина, оправдывающего данную кампанию государства (13, 14). Однако употребление этих слов в заключении описания разрушенного города придает им противоположный смысл. Таким образом, положительное мнение в конце текста теряет такую коннотацию и служит подтверждением точки зрения автора.

Выявленные СКИ некоторого числа текстов можно сгруппировать на основании общего признака и выявить инвариант СКИ. Например, проанализированная выше статья и статья под названием «*Terror, torture, death: the Russians are here*» (13) содержат СКИ, обозначенные нами как «Военные действия России в Чечне – плохие», статья «*Truth becomes first victim in Russia's blitz against Grozny*» (12) содержит СКИ «Информационная политика Кремля – плохая». СКИ статьи «*Hard Lessons*» (9) можно сформулировать как «Повстанческие действия чеченцев – хорошие». Эти СКИ содержат оценку – положительную или отрицательную – что и является инвариантом в этой группе. СКИ этих текстов и других проанализированных, основана на базовой аксиологической оппозиции «хорошо/плохо». СКИ текстов, сгруппированных на основании иных инвариантов, может содержать другие оппозиции: «свои/чужие», «комическое/трагическое», «герой/антигерой», «истина/неистина» и др.

Представляется возможным провести аналогию между СКИ и полевым принци-

пом описания значения слова [6, с. 126], где в семе, части значения лексической единицы, выделяется семантический признак, общий с некоторыми другими семами, и семный конкретизатор, уточняющий семантический признак. В концептуальной информации, как части содержания текста, выделяется «признак» – ядро, инвариантная часть, общая с СКИ других текстов, и «конкретизатор», который уточняет ядро и связывает его с темой текста. Так, для статьи «*Terror, torture, death: the Russians are*

here» ядро может быть сформулировано как «это плохо», а конкретизатор – «военные действия России».

Выявление инварианта СКИ позволяет приблизиться к определению манипулятивной интенции субъекта дискурса, применение данного вида анализа к большому корпусу текстов может способствовать, например, более полному пониманию характера информационной политики какого-либо государства, политической партии в отношении различных вопросов, проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
2. Дейк Т. А. ван Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Иванова С. В. Сложноподчиненное предложение и текст. Уфа, 1991. 60 с.
4. Никитина К. В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ. Уфа, 2006. 200 с.
5. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 5–39.
6. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. 171 с.
7. «Chechens trapped in the factory of death» // The Observer. 13.02.2000.
8. Galperin I. R. Stylistics. M.: Vysshaya Shkola, 1981. 334 p.
9. Hard Lessons // Time. 19.12.1999.
10. Longman English Dictionary Online. URL: <http://www.ldoceonline.com/>
11. Merriam-Webster Online Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/>
12. Truth becomes first victim in Russia's blitz against Grozny // The Observer. 14.11.1999
13. Terror, torture, death: the Russians are here // Guardian. 18.07.2001.

REFERENCES

1. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1981. 138 s.
2. Deyk T. A. van. Yazyk, poznaniye, kommunikatsiya. M.: Progress, 1989. 312 s.
3. Ivanova S. V. Slozhnopodchinyonnoye predlozheniye i tekst. Ufa, 1991. 60 s.
4. Nikitina K. V. Tekhnologii rechevoy manipulyatsii v politicheskom diskurse SMI. Ufa, 2006. 200 s.
5. Nikolayeva T. M. Lingvistika teksta. Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Lingvistika teksta. M.: Progress, 1978. Vyp. 8. S. 5–39.
6. Sternin I. A. Leksicheskoye znacheniye slova v rechi. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1985. 171 s.
7. «Chechens trapped in the factory of death» // The Observer. 13.02.2000.
8. Galperin I. R. Stylistics. M.: Vysshaya Shkola, 1981. 334 p.
9. Hard Lessons // Time. 19.12.1999.
10. Longman English Dictionary Online. URL: <http://www.ldoceonline.com/>
11. Merriam-Webster Online Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/>
12. Truth becomes first victim in Russia's blitz against Grozny // The Observer. 14.11.1999
13. Terror, torture, death: the Russians are here // Guardian. 18.07.2001.